

- освещении. № 2 (30). С. 181—210. [Sheveleva M. N. Some considerations concerning the book by D. V. Sitchinava "A typology of pluperfect. Slavic pluperfect". *Russkij jazyk v nauchnom osveshchenii*. No. 2 (30). Pp. 181—210.]
- Шевельов 2002 — Шевельов Ю. В. Портрети українських мовознавців. Київ: Вид. дім «Києво-Могилянська Академія», 2002. [Shevel'ov Ju. V. *Portrety ukrai'ns'kyh movoznavciv* [The portraits of Ukrainian linguists]. Kyi'v: Vyd. dim «Kyjevo-Mogyljans'ka Akademiya», 2002.]
- Dahl 1985 — Dahl Ö. *Tense and aspect systems*. Oxford: Blackwell, 1985.
- Piskorz et al. 2013 — Piskorz J., Abraham W., Leiss E. Doppelter Grammatikalisierungszyklus und funktionale Universalgrammatik: Am Beispiel des analytischen Perfekts und des Präteritums in der Sprachgeschichte des Polnischen. *Die Welt der Slaven*. 2013. Vol. LVIII. Pp. 276—307.
- Squartini 1999 — Squartini M. On the semantics of the pluperfect: Evidence from Germanic and Romance. *Linguistic typology*. 1999. No. 3. Pp. 51—89.
- Tatevosov, Ivanov 2009 — Tatevosov S., Ivanov M. Event structure of non-culminating accomplishments. *Tense-Aspect-Mood systems cross-linguistically*. De Hoop H., Hogeweg L., Malchukov A. (eds.). Dordrecht: Springer, 2009. Pp. 81—130.

J. Marvan. Jazyk. Jeho český příběh: Prvních tisíc let 800—1800: Malý průvodce cestami české lingvoekologie. Praha: Nakladatelství Karolinum, 2015. 456 s. ISBN 978-80-246-3034-2.

Андрей Иванович Изотов

Andrey I. Izotov

МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, 119991, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Российская Федерация; a.i.izotov@mail.ru 119991, Russian Federation; a.i.izotov@mail.ru

Опубликованная в издательстве Карлова университета в Праге книга профессора Иржи Марвана (1936—2016) примечательна по целому ряду причин.

Во-первых, в ней предлагается вариант теории лингвистической экологии, отличный от ее классического варианта. Эпиграфом к книге служит тезис одного из пяти основателей Пражского лингвистического кружка Б. Трнки «Aby byl jazykový systém jazykem, nutno jej prožívat [= 'Чтобы языковая система была языком, она должна проживаться'. — А. И.]», сформулированный в одной из его статей военного периода [Trnka 1943] и созвучный с тезисом Эйнара Хаугена «Язык существует только в сознании говорящих на нем и функционирует только при взаимоотношениях с другими говорящими и с их социальным и природным окружением», см. [Naugen 1972]. Тем не менее И. Марван (четверть века преподававший в университетах США и Австралии, так что сомнений в его отличном владении английским быть не может), предпочитает по-иному расставлять акценты, переводя на английский язык данный эпиграф как «The language system is not a language unless it is empathized» (с. 437). Тем самым центральным понятием книги становится «языковая эмпатия», которую «собственник» языка (термин «носитель языка» представляется И. Марвану не вполне удачным) испытывает по отношению к своему языку, а те авторы, в сочинениях которых затрагиваются вопросы, так или иначе с данной «лингвистической эмпатией» связанные, рассматриваются как лингвоэкологи или протолингвоэкологи. Так, например, в качестве первого созданного на территории чешских земель протолингвоэкологического сочинения интерпретируется «Проглас» Константина (Кирилла) (с. 10). Для изложения своих взглядов, а также при анализе чешского филологического материала автор использует собственную тщательно продуманную и довольно сложную терминологию («Реестр предметов, понятий и идей» в конце книги занимает 18 страниц петита в две колонки, с. 402—419).

Во-вторых, в книге обосновывается оригинальная концепция чешского письменного языка, история которого начинается, по мнению И. Марвана, не с XIII в., как принято считать [Slovník 2002: 91], а с IX в., так как включает в себя также и то, что традиционно рассматривается как «старославянский период чешской книжности», см. название

монографии [Večerka 2010]. Отвергая термин «старославянский язык», И. Марван предлагает называть язык древнейших славянских переводов с греческого, выполненных братьями Константином и Мефодием, а также их учениками, просто «славянским языком» (чеш. *slověňština*, англ. *Slavonic*), а произошедшие из него национальные дериваты – «чешско-славянским языком» (чеш. *česko-slověňština*, англ. *Czech Slavonic*), «русско-славянским языком» (чеш. *rusko-slověňština*, англ. *Russian Slavonic*) и т. д., см. с. 29—30; 421—422). Отметим, что профессор Венского университета В. Ф. Мареш (†1994) пишет в связи с житиями св. Вацлава и св. Людмилы о «чешско-церковнославянском языке» (*Czech Church Slavonic*), см. [Mareš 1979: 3].

По мнению И. Марвана, «славянский» язык воспринимался чехами как «свой» не только в X—XII вв., но и много позже — в эпоху расцвета уже собственно чешской письменности. Когда же в соответствии с «Золотой буллой» (1356) Карла IV официальными языками Священной Римской империи были объявлены немецкий, итальянский и чешский, то «славянский» язык рассматривался как такая же интегральная часть этого чешского языка, как латынь — интегральная часть языка итальянского (с. 82). Не случайно Карл IV пригласил в основанный им в Праге, по согласованию с папой Климентом VI, бенедиктинский Эммаусский монастырь хорватов-глаголашей, получив у папы разрешение на славянскую (!) литургию в этом монастыре. Созданную здесь в 1416 г. глаголическую Библию (сохранилось 258 страниц) И. Марван характеризует как «симбиоз славянского и чешского языков» (с. 154).

Важное место в концепции И. Марвана занимает «глубинное течение» — предполагаемое воздействие на языковую ситуацию в чешских землях «славянского» языка, эксплицитно не фиксируемое, однако теоретически возможное. В книге последовательно отмечаются такие факты, как, например, то, что аббатиса Кунгута («Кунгутина молитва» и «Островская песня» — первые литературные произведения на чешском языке) была внучкой черниговского князя Ростислава Михайловича, что чешский король Вацлав II охотно приглашал к своему двору монахов со славянского Востока, что среди студентов Пражского университета было немало «русинов», что Ян Жижка и магистр Иероним Пражский посещали территорию современной Белоруссии, что настоятель Эммаусского монастыря в Праге Бенешовский рассматривал Острожскую Библию как образцовую в языковом отношении и т. д.

Подробное описание истории чешского языка, начатое «чешско-славянским» периодом его существования, доводится до «чешско-словацкого» периода (первая половина XIX в.), когда чешский функционирует в качестве письменного языка не только чешской, но также и словацкой нации и когда Ян Коллар «поддерживает национальное самосознание словацких евангеликов в Будапеште своим чешско-словацким языком» (с. 396).

Наконец, читатель знакомится с целым рядом интересных фактов, безусловно важных для понимания логики исторического развития чешского языка, например, с законом об охране чешского языка 1615 г., юбилей которого почему-то прошел незамеченным в современной Чехии, с анализом чешских грамматик и словарей и с «героической борьбой чешских иезуитов за чешский язык» в побелогорский период, который в массовом сознании воспринимается как «эпоха тьмы», когда иезуит Кониаш с энтузиазмом сжигал «еретические» чешские книги. Отметим, что при этом ни здесь, ни на иных страницах речь отнюдь не идет о новомодных «альтернативных» исторических описаниях, так что 30 000 уничтоженных Кониашем книг тоже упоминаются (с. 393).

Самостоятельную ценность представляют приложения, среди которых мы найдем и подборку высказываний тех, кого автор считает чешскими протолингвоэкологами (с. 351—376), и хронологическую таблицу развития чешской лингвистической (лингво-экологической) мысли в историческом контексте (с. 377—396), выступление Р. О. Якобсона на посвященной Константину (Кириллу) конференции 1969 г. (с. 397—399).

Авторская аннотация книги на английском языке (с. 437—450) позволяет ознакомиться с авторской концепцией тем, кто не читает по-чешски.

Суммируя сказанное, следует отметить, что знакомство с данной книгой безусловно обязательно для богемиста, весьма желательно для слависта и полезно для специалиста по сопоставительному языкознанию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Haugen 1972 — Haugen E. *The ecology of language: Essays by Einar Haugen*, Anwar S. Dil. Stanford: Stanford Univ. Press, 1972.
 Mareš 1979 — Mareš F. W. *An anthology of Church Slavonic texts of Western (Czech) origin*. München: Wilhelm Fink Verlag, 1979.
 Slovník 2002 — *Encyklopedický slovník češtiny*. Praha: Nakladatelství Lidové Noviny, 2002.
 Trnka 1943 — Trnka B. Obecné otázky strukturálního jazykozpytu. *Slovo a Slovesnost*. 1943. № 2—3. S. 57—68.
 Večerka 2010 — Večerka R. *Staroslověnská etapa českého písemnictví*. Praha: Nakladatelství Lidové Noviny, 2010.

M. Hassandoust. Farhang-e riše-šenāxti-ye zabān-e fārsi. Ĵeld-e 1—5. Tehrān: Farhangestān-e zabān va adab-e fārsi, 1393 [Мохаммад Хасандуст. Этимологический словарь персидского языка. Т. 1—5. Тегеран: Академия персидского языка и литературы, 1393/2014. На персидском языке. Англ. перевод на переплете: M. Hassandoust. An etymological dictionary of the Persian language]. ISBN 964-7531-28-1 (для 1-го тома), ISBN 978-600-6143-55-2 (для всего комплекта томов).

**Джой Иосифовна Эдельман[®],
Елена Константиновна Молчанова**

**Joy I. Edelman[®],
Elena K. Molchanova**

Институт языкознания РАН, Москва, 125009, Российская Федерация; [®]joy.edelman@gmail.com

Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow, 125009, Russian Federation; [®]joy.edelman@gmail.com

Рассматриваемый пятитомный «Этимологический словарь персидского языка» — фундаментальный труд, представляющий собой этимологическое исследование практически полного корпуса основного лексикона **классического** персидского языка. В нем анализируется лексика персидского языка классического периода, который датируется условно VIII—XV вв. Это был общий литературный язык, предшественник современных персидского, таджикского и языка дари Афганистана, более архаичный, чем его потомки, поэтому в словаре охватывается обширный круг лексики, свойственной тому периоду и частично утраченной либо трансформированной (в том числе и семантически) в том или ином современном языке. Тем самым данный словарь является этимологическим словарем и для таджикского языка, и для языка дари Афганистана. Выход в свет такого словаря — важное событие не только для языковедов Ирана, но и для международной иранистики. Такой капитальный труд, созданный на современном уровне исследованности истории иранских языков и с учетом достижений индоевропеистики, издается впервые.

Словарь — результат 16-летнего подвижнического труда иранского лингвиста, сотрудника Академии персидского языка и литературы д-ра Мохаммада Хасандуста. Имя М. Хасандуста известно языковедам-иранистам: более десяти лет тому назад (в 2004 г.) был опубликован первый том этого словаря, который получил широкое признание благодаря солидному и обширному языковому материалу, привлечению квалифицированной и международно признанной лингвистической литературы, тщательности и оригинальности исследования. Позже, в 2011 г., М. Хасандуст опубликовал объемный двухтомный «Сравнительно-тематический словарь новоиранских языков и диалектов» (на персидском языке)